

АНЖЕЛИКА БЕРГ

312

НЕ ОБОРАЧИВАЙСЯ

Он уже здесь

ТЁМНЫЙ РОМАН

Анжелика Берг

Не оборачивайся. Он уже здесь

«Автор»

2026

Берг А. Ю.

Не оборачивайся. Он уже здесь / А. Ю. Берг — «Автор», 2026

У каждого, кто однажды убегал, есть тревожный рюкзак. У Норы Эванс он стоит в шкафу за зимней курткой. Она медсестра психиатрической больницы в дождливом Сиэтле. Она любит свою работу, никому не рассказывает о прошлом и каждую ночь спит с включённым светом. Потому что два года назад в другой стране, в другой жизни, кто-то сказал ей в темноте: «Беги. И не оборачивайся». Она послушалась. А сегодня в палату 312 привезли нового пациента. Он молчит, не спит и смотрит так, будто ждал именно её. Когда Нора поворачивается к нему спиной, он тихо произносит имя, которого в этом городе не знает никто. Её настоящее имя. И она узнаёт этот голос. Тёмный психологический роман. Не доверяй никому. Даже себе.

© Берг А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Нора	7
Глава 2. Кейн	11
Глава 3. Нора	15
Глава 4. Нора	18
Глава 5. Нора	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анжелика Берг

Не оборачивайся. Он уже здесь

Анжелика Берг
Не оборачивайся
Он уже здесь

Пролог

*But that I am forbid
To tell the secrets of my prison-house,
I could a tale unfold whose lightest word
Would harrow up thy soul, freeze thy young blood.*

Мне тайны заточения моего
Раскрыть запрещено — не то я мог бы
Поведать повесть, где любое слово
Тебе бы душу стужей обожгло.
Уильям Шекспир, «Гамлет»
Знаете, что я помню о той ночи лучше всего?

Не крик. Не кровь на полу. Не то, как я бежала по коридору в тапочках, которые скользили на каждом повороте, как в плохом фильме ужасов, где героиня обязательно падает.

Я помню запах. Дым и лекарства: горький, химический, въедливый. Потом я два года отмывала его в душе и не могла отмыть. Он сидел в волосах, в коже, где-то под рёбрами. Иногда он и сейчас возвращается, посреди супермаркета или в очереди за кофе, и я замираю с пакетом молока в руках, как идиотка, пока он не уходит.

Я бежала. В кулаке была флешка, я сжимала её так, что край впивался в ладонь. Позади старое каменное поместье Кроуфордов с узкими окнами. Снаружи оно похоже на открытку с шотландскими видами. Внутри — на тюрьму. Потому что это и была тюрьма. Очень дорогая, очень красивая тюрьма с персидскими коврами.

И тут шаги.

Не за спиной. Впереди.

Кто-то вышел из темноты между колоннами, и я остановилась так резко, что меня качнуло вперёд. Лица я не видела. Только силуэт: высокий, неподвижный, как будто он стоял там всю жизнь и просто ждал, когда я прибегу.

И пистолет в его руке.

Странно, что замечаешь в такие минуты. Я заметила, что пистолет не дрожит. Совсем. Ни на миллиметр. Как будто держать оружие для него то же самое, что держать чашку чая.

Он медленно обошёл меня. Я почувствовала его за спиной. А потом холод металла между лопатками, сквозь тонкую ткань формы.

Вот и всё, подумала я. Удивительно спокойно подумала. Вот так это и бывает.

Он наклонился к самому моему уху. Голос у него был низкий, тёплый. Почти ласковый. Так говорят с испуганной лошастью.

— Беги.

Я не двигалась. Я просто не могла.

— Беги, Эвелин. И не оборачивайся.

Давление металла исчезло.

И я побежала.

Я не обернулась. Ни тогда, ни потом. Два года я живу так, будто за спиной у меня стена. Потому что знаю одну простую вещь, точно так же, как знаю, что вода мокрая, а понедельник наступает всегда.

Если я обернусь, он будет там.

Часть первая
Голос

Глава 1. Нора

Если вам когда-нибудь казалось, что дождь идёт лично против вас, приезжайте в Сиэтл. Здесь это не кажется. Здесь это факт.

Я просыпаюсь в 4:52, за восемь минут до будильника. Как всегда. Будильник мне, честно говоря, не нужен. У меня есть кое-что понадежнее.

У меня есть Гостья.

Она приходит без приглашения, обычно под утро, когда в доме темно и тихо. Садится на грудь, тяжёлая, как мокрое пальто. Сжимает горло. Стучит сердцем в ушах. Делает ладони влажными, а комнату слишком маленькой. Врачи называют её «паническое расстройство». Я называю её Гостьей, потому что так проще. С болезнью нужно бороться, а с гостьей можно просто пересидеть, пока ей не надоест.

Вы наверняка тоже её знаете. Ну, может быть, не так близко. Но то чувство, когда просыпаешься среди ночи и сердце колотится без всякой причины, а в голове крутится мысль, что что-то не так, что-то сейчас случится? Вот. Это она заглядывала к вам на минутку. Ко мне она заходит пожить.

На полу у кровати поднимает голову Грей.

Сорок два килограмма немецкой овчарки. Чёрная спина, серые бока, янтарные глаза, в которых больше здравого смысла, чем у половины моих знакомых. Он смотрит на меня так, как смотрит всегда, без жалости. Жалость я бы не вынесла. Он просто проверяет, на месте ли я.

— Я здесь, — говорю я вслух. Голос хриплый, как после крика, хотя я не кричала.

Грей встаёт, подходит и кладёт тяжёлую тёплую голову мне на колени. Я запускаю пальцы в густую шерсть у него на шее и считаю. Вдох на четыре. Задержка на четыре. Выдох на шесть.

Гостья недовольно ворчит. Поднимается. Уходит.

Не насовсем. Она никогда не уходит насовсем. Но сегодня она ушла, а мне больше и не нужно.

Два года назад я не могла спать одна в комнате. Не могла принять душ с закрытой дверью. Не могла стоять спиной к пустому коридору: сразу начинало колоть между лопатками, в одном и том же месте, будто туда кто-то приложил что-то холодное. Потом волонтерка из приюта на окраине города подвела меня к вольеру, где сидел Грей, обученный, привитый, никому не нужный, и сказала: «Вам просто повезло».

Я тогда не верила в везение. Я и сейчас не очень верю. Но Грей остался, и Гостья стала приходить реже.

В 6:30 я выхожу из дома. Грей провожает меня до двери и садится в прихожей. Он будет ждать. Он всегда ждёт. Иногда мне кажется, что это самые долгие и самые честные отношения в моей жизни.

* * *

Психиатрическая больница Сент-Джуд стоит на холме над заливом. Красный кирпич, решётки на окнах третьего этажа и чудесный сад, в котором никто никогда не гуляет, потому что в нём всегда идёт дождь.

Я люблю эту работу. Когда я говорю это людям на вечеринках (на тех двух вечеринках в год, куда меня удаётся вытащить), они смотрят на меня так, будто я призналась, что люблю есть мыло. Но это правда. Здесь всё честно. Здесь никто не притворяется нормальным. Страх здесь называют страхом, бред — бредом, а слёзы не прячут в туалете офиса между совещаниями. Здесь я знаю, что делать.

И здесь, как ни странно, Гостья меня почти не навещает. Видимо, ей неловко: слишком много конкурентов.

Я надеваю форму, собираю волосы в хвост и прикалываю бейдж. «Нора Эванс, медсестра». Два года прошло, а я до сих пор каждое утро задерживаю на нём взгляд на секунду дольше, чем нужно. Будто проверяю, не изменилось ли имя за ночь.

— Эванс! — Маркус, наш старший санитар, машет мне из сестринской. Он огромный, бородатый и добрый, как медведь из детской книжки, который ушёл из леса выучиться на санитаря, чтобы порадовать маму. — Слышала новость? У нас на третьем подарок.

— Опять кто-то съел пазл? — спрашиваю я.

— Лучше. Принудительное лечение, решение суда. — Маркус понижает голос, хотя в сестринской никого нет, только кофеварка. — Среди бела дня, на людной улице, подошёл к мужику и сломал ему руку. В трёх местах. А потом сел на бордюр и стал ждать полицию. Даже не пытался уйти.

— Психоз?

— Экспертиза сказала: невменяем. — Маркус пожимает плечами. — А по мне, он жутко спокойный. Вчера вечером его перевели к нам, и он всю ночь сидел на кровати и смотрел в стену. Не ел, не спал. Лиззи с ночной смены сказала, что у неё от его взгляда мурашки.

Лиззи работает здесь двенадцать лет. Она пережила пациента, который считал себя Наполеоном, и пациента, который считал Наполеоном её. У Лиззи не бывает мурашек.

— Как зовут? — спрашиваю я.

— Кейн. Кейн Моррис. Тридцать пять лет. Документы какие-то мутные, прошлого как будто нет. Словно он вышел из тумана.

По позвоночнику проходит холодок. Ерунда. Сквозняк. Я этого не показываю. Я давно научилась ничего не показывать, это у меня получается даже лучше, чем ставить капельницы.

— Утренний обход мой? — спрашиваю я.

— Твой. — Маркус протягивает мне планшет с назначениями и вдруг задерживает его на секунду. — Нора. Ты с ним поаккуратнее, ладно?

* * *

Палата 312 в самом конце коридора.

Я иду мимо знакомых дверей, как мимо знакомых лиц. Из 305-й слышно, как миссис Олсен поёт псалмы, каждое утро одни и те же, и каждое утро немного мимо нот. В 308-й мистер Чен считает плитки на полу, он делает это с 2019 года и до сих пор не сбился. Пахнет антисептиком и остывшим кофе. Это моё безопасное место. Звучит странно, я знаю.

У двери 312 я останавливаюсь.

Без причины. Просто ноги вдруг решают, что дальше не пойдут. Тело говорит: не входи. Тихо, но очень отчётливо, как говорит внутренний голос, когда вы уже взяли в руки телефон, чтобы написать бывшему.

Глупо. Я два года здесь работаю. Я видела агрессию, видела бред, видела людей, которые не помнят, как их зовут. Уж одного спокойного мужчину я как-нибудь переживу.

Я открываю дверь.

Он сидит на краю кровати лицом к окну. Широкие плечи под больничной рубашкой (которая, конечно, ему мала: эти рубашки всем малы или велики, среднего размера у них не бывает). Тёмные коротко стриженные волосы. Неподвижная спина. За окном льёт дождь, и серый свет ложится на его руки. Большие руки со сбитыми костяшками спокойно лежат на коленях.

— Доброе утро, мистер Моррис, — говорю я ровным рабочим голосом, которым могла бы зачитывать прогноз погоды. — Я Нора, ваша медсестра. Мне нужно измерить давление и дать вам утренние препараты.

Он не оборачивается.

Ладно. Я ставлю поднос на тумбочку, беру тонометр и обхожу кровать, чтобы оказаться перед ним.

И тогда он поднимает глаза.

Серые. Не голубые, не зелёные. Серые, как вода у скал, как небо над побережьем, которое я не называю вслух даже наедине с собой. Он смотрит так, будто знал, что я войду. Знал, какой я буду, в каком хвосте, с каким бейджем. Будто ждал.

Это не безумный взгляд. Я видела много безумных взглядов, они другие: плавающие, горячие, смотрят сквозь тебя. Этот смотрит прямо в меня. Самый ясный взгляд в этом здании. Включая мой собственный в зеркале.

— Мне нужна ваша рука, — говорю я. Голос не дрожит. Я очень собой горжусь.

Он молча протягивает руку. Я надеваю манжету, качаю грушу и слушаю пульс в стетоскопе. Шестьдесят ударов в минуту. Ровно, как метроном. Как у человека, который спит. Или у человека, которому совершенно нечего бояться.

А мой собственный пульс колотится в ушах так, что я едва слышу его.

— Сто двадцать на восемьдесят, — говорю я, снимая манжету. — Как у космонавта. Вот ваши таблетки.

Протягиваю бумажный стаканчик. Он берёт его, не отводя от меня глаз, и наши пальцы на секунду соприкасаются. Я отдёргиваю руку слишком быстро.

Он замечает. Уголок его губ дёргается. Не улыбка, а её тень, черновик улыбки.

Я отворачиваюсь к тумбочке, чтобы записать показатели. Стою к нему спиной. Пишу цифры, и ручка скользит во влажных пальцах.

И тут за моей спиной раздаётся голос.

Низкий. Спокойный. Почти ласковый. Так говорят с испуганной лошастью.

— Здравствуй, Эвелин.

Ручка падает на пол.

Я слышу, как она катится по линолеуму: тихо, долго, целую вечность. Слышу дождь за окном. Слышу, как миссис Олсен в соседней палате тянет последнюю строчку псалма. Я слышу всё, кроме собственного дыхания. Потому что больше не дышу.

Два года. Два года никто не произносил это имя. Я похоронила его, как хоронят мёртвых: глубоко, без креста и без надписи.

Гостья приходит мгновенно. Она не стучит, она выбивает дверь с ноги. Стены палаты начинают медленно сдвигаться, как в том фильме, где комната сжимается, а героиня мечется в ней, как муха в стакане. Ледяной прилив поднимается от живота к горлу.

Не оборачивайся, шепчет что-то внутри меня. Не оборачивайся.

Вдох на четыре. Задержка на четыре.

Не выходит.

— Дыши, — тихо говорит он за моей спиной. Совсем близко, хотя я не слышала, как он встал. — Вдох на четыре, Эвелин. Ты же знаешь, как это делается.

Откуда. Откуда он это знает?

Я заставляю себя наклониться и поднять ручку. Заставляю пальцы сжаться вокруг неё. Заставляю себя повернуться: медленно, очень медленно, как поворачиваются к зверю, который ещё не решил, бросаться ему или нет.

Он стоит в шаге от меня. Выше, чем казалось, когда он сидел. Серые глаза смотрят сверху вниз спокойно, внимательно, почти бережно. Будто это я здесь пациентка. Будто это меня нужно успокоить.

— Вы меня с кем-то путаете, мистер Моррис, — говорю я. Голос чужой, но ровный. Спасибо тебе, голос, я тебе этого не забуду. — Меня зовут Нора.

— Конечно, — мягко соглашается он. — Нора.

Он возвращается к кровати и садится лицом к окну, будто ничего не случилось. Будто это не он только что одной фразой снёс всё, что я строила два года, кирпичик за кирпичиком.

Я выхожу. Закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной, потому что ноги больше не держат.

И только тогда позволяю себе признать то, что поняла в ту самую секунду, когда он заговорил.

Я знаю этот голос.

Я слышала его однажды, в темноте, между каменными колоннами, в ночь, которая пахла дымом.

Он меня нашёл.

Через десять минут я вхожу в сестринскую, наливаю себе кофе, который не собираюсь пить, и говорю Маркусу самым будничным голосом, на какой способна:

— Слушай, возмёшь 312-го на себя? Он меня с кем-то путает. Не хочу его лишний раз волновать.

Маркус смотрит на меня поверх очков. Долго. Потом кивает.

— Конечно, Нора.

Я улыбаюсь ему и думаю только об одном: чтобы он не заметил, как дрожит в моей руке чашка.

Глава 2. Кейн

Она сказала «Нора».

Твёрдо так сказала, с подбородком, вздёрнутым ровно на два сантиметра выше, чем нужно. Прелесть. Если бы враньё было олимпийским видом спорта, она взяла бы серебро. Золото, простите, моё.

Я сижу на больничной кровати в рубашке, которая завязывается на спине (кто вообще их придумал? явно человек, который никогда в жизни не собирался никуда бежать), и смотрю, как дождь стекает по стеклу. Сизтл. Город, где даже небо не может решить, плакать ему или просто хмуриться, поэтому делает и то и другое одновременно.

Две таблетки из бумажного стаканчика я держал под языком, пока она записывала моё давление. Потом аккуратно выплюнул в ладонь. Мне здесь нужна ясная голова. Голова и терпение, больше мне ничего не оставили: ни ремня, ни шнурков, ни вилки. Даже пудинг на обед дают с пластиковой ложкой, чтобы я, не дай бог, никого не поранил.

Мило. Они правда думают, что без вилки я безопасен.

Внутри меня тихо. Это важно, и я объясню, чтобы потом не было недопонимания.

Там, где у других людей живут сомнения, совесть и привычка звонить маме по воскресеньям, у меня живёт **Тишина**.

Не пустота, нет. Пустоту знает каждый. Это вечер, когда сидишь в тихой квартире, смотришь в одну точку и не можешь понять, чего хочешь и что чувствуешь. Ролло Мэй писал, что это главная болезнь нашего времени: людям не столько не хватает чего-то, сколько они не знают, чего им не хватает. Пустота — это вопрос без ответа.

Тишина — наоборот. Это ответ, который всегда готов. Как стоять ночью посреди замёрзшего озера: вокруг ни звука, лёд под ногами держит, и ты точно знаешь, куда шагнуть дальше. Тишина никогда не паникует. Тишина считает выходы, прикидывает расстояния и вес противника. Она не спрашивает «зачем» и «можно ли». Только «как» и «когда».

Восемь лет мы с ней отлично ладили.

А потом я увидел, как Эвелин кормит чаек.

* * *

Давайте я расскажу, пока никто не зашёл.

В первый раз я увидел её через оптический прицел. Звучит романтично, правда? Нет? Ну, у каждого своя история знакомства.

Два года назад, в Шотландии, у Кроуфордов была частная клиника в старом каменном поместье. И в эту клинику пришла работать новая медсестра. Мне поручили за ней присмотреть: с кем говорит, куда ходит, кому звонит. Обычная работа. Я делал её десятки раз.

После смены она каждый вечер ходила на старый пирс в миле от поместья. Одна, с паке-том хлеба. Кормила чаек. Ветер путал ей волосы, она сердито убирала их с лица, а самая наглая чайка, толстая, с подбитым крылом, выхватывала кусок прямо у неё из пальцев. И она смеялась. Громко, запрокинув голову, как смеются, когда думают, что их никто не видит.

Три недели я писал в отчётах одно и то же: «Гуляет. Кормит птиц. Ничего интересного».

На двадцать второй вечер я понял, что ошибался. На этом пирсе она делала то, за что у Кроуфордов не увольняют. За это у Кроуфордов исчезают.

Что именно она делала, я расскажу позже. Не всё сразу, мы ведь только познакомились.

Важно другое: я это видел. И впервые за восемь лет Тишина не подсказала мне, куда шагнуть. Я стоял на своём замёрзшем озере, и лёд под ногами тихо, почти неслышно треснул.

Вечером я доложил: «Ничего подозрительного». Вот так, одной строчкой, я соврал людям, которые не прощают вранья.

А потом была та ночь, колонны, запах дыма, и ствол у неё между лопатками. Она дрожала всем телом, каждой косточкой, но не плакала и не умоляла.

А я сказал «беги».

Я до сих пор не знаю, почему. Это единственный поступок в моей жизни, который я не могу себе объяснить. А я, знаете ли, очень не люблю необъяснимое. Это как камешек в ботинке, только камешек весом в целую жизнь.

* * *

Дверь открывается. Маркус, санитар. Сто двадцать килограммов доброты, седая борода и слабое левое колено: на лестнице он его бережёт, едва заметно переносит вес на правую ногу. Тишина отмечает такие вещи сама, я её не прошу. Он ставит поднос на тумбочку и не уходит. Переминается с ноги на ногу.

— Сестра Эванс сказала, вы её с кем-то перепутали.

Он говорит легко, между делом. Как человек, который пришёл проверить, не укусит ли собака, и очень надеется, что не укусит.

— Она у нас хорошая, — добавляет он. — Лучшая. Вы уж её не пугайте, ладно?

Я поднимаю на него глаза. Три секунды. Он отводит взгляд первым. Честные люди всегда отводят взгляд первыми, это их главный недостаток и главное достоинство одновременно.

— Не буду, — обещаю я.

Он кивает, ему заметно легче. Уходит. Замок щёлкает.

А я смотрю на дверь и думаю: прости, Маркус. Я солгал. Пугать её придётся. Совсем немного и очень аккуратно, как хирург делает надрез, чтобы спасти.

Потому что испуганный человек оглядывается. А тот, кто оглядывается, живёт дольше.

Она два года училась не оборачиваться. И у неё почти получилось.

Почти. Вот это «почти» и не даёт мне спать.

* * *

Хотите знать, как я здесь оказался? Конечно, хотите. Все хотят знать, как человек попадает в психушку. Обычно это грустная история. Моя — скорее про точный расчёт.

Начну издалека.

Два года я держался от неё на расстоянии ста метров. Это было моё правило, моя клятва, если хотите. Я снимал квартиру на соседней улице. Ходил в тот же супермаркет, но никогда в её часы. Я знал, что по средам она покупает персиковый йогурт, а по пятницам вино, которое потом не пьёт. Я знал, что её собака, сорок два килограмма грозной немецкой овчарки, до смерти боится пылесоса. Я знал, что в её спальне всю ночь горит ночник, потому что в темноте к ней приходит что-то, чему она не может дать имени.

(Да, каждый вечер. Нет, я не считаю, что это странно. Я считаю это ответственным отношением к делу.)

Ближе я не подходил никогда. Если бы она меня увидела, пришлось бы объяснять, кто я. А у меня нет ни одного объяснения, после которого она не убежала бы снова. В другой город, на другой континент, под другим именем. Туда, где я бы её уже не нашёл.

Полтора месяца назад на её улице появилась серая машина. Скромная, неприметная, с местными номерами. Она стояла там три ночи подряд. Мужчина за рулём не курил, не спал, не листал телефон. Просто сидел и смотрел на её окна.

Так смотрят только люди моей профессии. Я узнал его сразу: Дэнни Рурк. Работал на Кроуфордов в Глазго. Специалист по поиску пропавших. Тех, кого находил Дэнни, потом больше никто не искал: незачем.

Значит, Кроуфорды её нашли. Два года они искали её по всему миру. Той ночью она унесла из поместья кое-что, из-за чего половина этой семьи может оказаться в тюрьме. Такое Кроуфорды не прощают и не забывают.

На четвёртый день Дэнни вышел из машины и направился к её подъезду. Днём, пока она была на смене. Днём приходят, чтобы осмотреться: где выходы, куда ставить ногу в темноте, где спит собака.

Тишина внутри меня посчитала всё за полторы секунды.

Вариант первый: убрать Дэнни тихо, ночью, без следов. Просто. Но тогда Кроуфорды поймут, что у неё есть защитник, и пришлют уже не одного человека, а троих. И следующий придёт не к её дому, а туда, где она проводит полжизни: на работу. А в больницу посторонний не войдёт. Ни я, ни кто-то другой, если он не врач, не медсестра... или не пациент.

Вариант второй. Его я и выбрал.

Я догнал Дэнни на тротуаре посреди людной улицы, при свидетелях, и сломал ему руку в трёх местах. А потом сел на бордюр и стал ждать полицию. Со стороны это выглядело как нападение сумасшедшего на случайного прохожего. Кроуфорды прочитают в газете, что их человеку не повезло с психом на улице. Никакого защитника. Просто неудачный день.

Дальше всё пошло так, как я рассчитывал. Меня арестовали. На допросах я молчал и смотрел в стену. Суд направил меня на психиатрическую экспертизу. А экспертизы для окружного суда проводят врачи больницы Сент-Джуд, и тех, кого они признают невменяемым, лечат здесь же.

Полтора месяца тестов, бесед и очень убедительного молчания. Решение суда. И вчера вечером меня перевели сюда, в палату 312. В двадцати метрах от её сестринского поста.

Смотреть в пустоту мне легко. Я в ней, можно сказать, живу.

Вы скажете: это же безумие. Посадить себя под замок, чтобы охранять женщину, которая при виде тебя роняет ручку и забывает дышать.

Возможно. Но посмотрите, где мы: в психиатрической больнице. Я, можно сказать, по адресу.

* * *

Днём её голос звучит в коридоре. Я узнаю её шаги среди всех остальных: лёгкие, быстрые, с крошечной неровностью на поворотах, когда она торопится. Она заходит к миссис Олсен, которая поёт псалмы, и подпевает ей тихонько, фальшиво и очень нежно. Она смеётся над шуткой мистера Чена про плитки на полу. Голос у неё здесь тёплый, мягкий, живой.

Такого голоса я не слышал ни разу за два года. Там, в её квартире, в темноте за окном, она всегда молчала.

В мою палату она больше не заходит. Таблетки в обед приносит Маркус.

Правильно. Умница. Беги от меня, Эвелин. Только не слишком далеко.

* * *

Вечером, когда коридор затихает, я стою у двери и слушаю. Из сестринской пахнет пережжённым кофе и доносятся голоса.

— ...с понедельника у нас новый заведующий, — говорит одна медсестра. — Из частной практики, с Восточного побережья. Молодой, говорят, красавчик.

— Как зовут?

— Доктор Хейл. Джулиан Хейл.

— Джулиан, — фыркает вторая. — Как из сериала про врачей. Сейчас он войдёт в замедленной съёмке, и заиграет музыка.

Они смеются.

Я перебираю это имя. Кладу его рядом со всеми именами, которые помню, а помню я много: кто кому должен, кто на кого работает, кто где похоронен. Со всеми лицами, досье, подписями под чеками Кроуфордов.

Джулиан Хейл.

Ничего. Пустота. Чистый лист.

Тишина перебирает всё, что знает, и не находит ответа.

И вот это, признаюсь, мне совсем не нравится. Потому что Дэнни Рурк никогда не работает один. Всегда есть второй — тот, кто ждёт внутри. Первого я нашёл и сломал в трёх местах. Второго я пока не вижу.

Я ложусь на кровать не раздеваясь, лицом к двери. Как всегда. Я ни разу в жизни не спал лицом к стене. Где-то там, в трёх километрах отсюда, в её спальне сейчас загорится ночник. Её собака свернётся у кровати. А она будет смотреть в потолок и думать обо мне. Бояться меня, ненавидеть меня, вспоминать мой голос.

Хорошо. Пусть. Главное, чтобы она не спала слишком крепко.

Спокойной ночи, Эвелин.

Не оборачивайся.

Я всё равно здесь.

Глава 3. Нора

У каждого человека, который однажды убежал, есть тревожный рюкзак.

Ну, может быть, не у каждого. Но у меня есть. Он стоит в шкафу в прихожей, за зимней курткой, которую я ни разу не надевала, потому что в Сиэтле не бывает настоящей зимы, бывает только очень мокрая осень. В рюкзаке паспорт на имя Норы Эванс, три тысячи долларов наличными, смена белья, зарядка для телефона, пакет собачьего корма и поводок. Я собрала его в первую неделю жизни здесь и два года каждый месяц проверяю, не истёк ли срок годности у батончиков.

Весь остаток смены я думаю об этом рюкзаке.

Я меряю давление миссис Олсен, а сама думаю: взять рюкзак, собаку, машину, и к утру я в Портленде. Я меняю капельницу мистеру Шоу и думаю: а из Портленда дальше, в Мексику, там можно затеряться. Я заполняю журнал назначений, и ручка сама выводит на полях «Портленд, Портленд, Портленд», как школьница на скучном уроке пишет имя мальчика, который ей нравится.

Только мне никто не нравится. Мне страшно.

Потом я вычёркиваю «Портленд» и пишу рядом другое слово: «Зачем?»

Он нашёл меня в Сиэтле, через океан, под чужим именем. Найдёт и в Портленде. Найдёт в Мексике. Бегать от человека, который умеет находить, всё равно что прятаться от дождя под зонтиком в Сиэтле: промокнешь не сегодня, так завтра.

А ещё есть вопрос, который не даёт мне покоя, как камешек в ботинке.

Если он пришёл меня убить, почему он сидит под замком?

* * *

В обед я не иду в столовую. Я закрываюсь в сестринской, сажусь за компьютер и открываю электронную карту пациента из палаты 312.

Это не нарушение. Ну, почти не нарушение. Я медсестра его отделения и имею полное право знать, кого лечу. Просто обычно я не читаю карты с таким сердцебиением, будто вскрываю чужой сейф.

«Моррис, Кейн. 35 лет. Постоянного адреса нет. Родственников нет. Место работы не указано».

Негусто. Я листаю дальше.

«Документы, удостоверяющие личность, выданы 26 месяцев назад».

Я перечитываю эту строчку три раза.

Двадцать шесть месяцев назад. Два года и два месяца. Почти тогда же, когда появились документы на имя Норы Эванс. Как будто мы с ним родились в один сезон, как котята из одного помёта. Только я знаю, откуда взялась я. А откуда взялся он?

Дальше идёт описание происшествия, сухим полицейским языком, который я за два года научилась читать между строк.

«Подозреваемый напал на мистера Дэниела Рурка, 44 года, гражданина Великобритании, находившегося в Сиэтле в качестве туриста. Нанёс потерпевшему закрытый перелом правой руки в трёх местах. Сопротивления при задержании не оказывал. Мотив нападения не установлен. Ранее с потерпевшим знаком не был (со слов потерпевшего)».

Гражданин Великобритании.

Гостья, которая до этого сидела в углу тихо, как кошка, поднимает голову.

Дэниел Рурк. Я перебираю это имя в памяти. Ничего. Я никогда его не слышала. Но Великобритания — это не только Лондон. Это ещё и Шотландия. Это старое каменное поместье среди холмов, запах дыма и лекарств, и люди, которые два года назад очень хотели найти одну сбежавшую медсестру.

Я читаю дальше.

«Место происшествия: пересечение Бельмонт-авеню и Олив-стрит».

Мой дом стоит на Бельмонт-авеню. Номер 1412. От перекрёстка с Олив-стрит до моего подъезда сорок шагов. Я знаю точно, потому что считала. Я вообще всё считаю, когда нервничаю: шаги, ступеньки, вдохи на четыре.

Значит, так. Какой-то британский «турист» стоял в сорока шагах от моей двери. И на него напал человек, который знает моё настоящее имя.

Гостя встаёт и потягивается. Я чувствую, как у меня холодеют кончики пальцев.

Я пытаюсь сложить это в картинку, и картинка не складывается. Если Рурк работал на Кроуфордов и пришёл за мной, то кто тогда Кейн? Тот, кто его остановил? Или тот, кто просто убрал конкурента, чтобы добраться до меня первым? Два хищника у одной норы. Один лежит в больнице со сломанной рукой. Второй лежит в моей больнице, в двадцати метрах от моего поста, и говорит мне «дыши».

Я не знаю, что хуже.

* * *

Последняя страница карты — заключение судебно-психиатрической экспертизы. Подпись доктора Патриции Нолан. Я её знаю: немолодая, строгая, в очках на цепочке, одна из немногих, кого у нас по-настоящему уважают. Доктор Нолан не ошибается. По крайней мере, так у нас принято считать.

«За шесть недель обследования пациент на контакт практически не шёл. Вопросы игнорировал. Эмоциональные реакции уплощены. Критика к своему состоянию отсутствует. За весь период наблюдения пациент произнёс одну осмысленную фразу, которую повторял на каждой беседе».

Ниже стоит сама фраза, в кавычках, как цитата:

«Мне нужно в Сент-Джуд».

Я откидываюсь на спинку стула.

Доктор Нолан приняла это за бред. Навязчивую идею. Я бы на её месте, наверное, тоже приняла. Человек не знает, какой сегодня день, не отвечает на вопросы, но упорно повторяет название психиатрической больницы. Классика. Можно вставлять в учебник.

Только я знаю то, чего не знает доктор Нолан.

Это не бред. Это план.

Он хотел попасть сюда. Сломал человеку руку у моего дома, шесть недель молчал на допросах и тестах, повторял одну и ту же фразу, пока суд не отправил его именно туда, куда ему было нужно. В здание, где я провожу по двенадцать часов в день.

Ко мне.

Я закрываю карту. Руки у меня почти не дрожат. Почти.

* * *

После смены я иду домой пешком, как всегда. Сорок минут вниз с холма, мимо кофейен, мимо прачечной, мимо витрины с манекенами, которые уже третий месяц стоят в одних и тех же летних платьях, хотя на улице октябрь и дождь.

Сегодня я иду быстрее обычного. И впервые за много месяцев ловлю себя на том, что смотрю в отражения в витринах. Кто идёт за мной? Кто стоит на другой стороне улицы? Кто сидит в машине с выключенными фарами?

Никого. Мокрые люди с мокрыми зонтами спешат по своим мокрым делам.

Смешно. Два года я не оборачивалась. А теперь, когда человек из той ночи сидит под замком за три километра отсюда, мне хочется оборачиваться на каждом шагу.

На перекрёстке Бельмонт и Олив я останавливаюсь.

Обычный перекрёсток. Светофор, почтовый ящик, бордюр, мокрый асфальт. Никаких следов. Полтора месяца назад здесь человеку сломали руку в трёх местах, а город уже всё смыл, как смывает всё остальное.

Вот на этом бордюре он сидел и ждал полицию.

Я смотрю туда, куда он должен был смотреть, сидя здесь. И понимаю, что с этого места лучше всего видно одно окно.

Моё. Второй этаж, третье слева. Окно спальни, в котором по ночам горит ночник.

* * *

Грей встречает меня в прихожей. Моя немецкая овчарка, сорок два килограмма спокойствия, машет хвостом и тычется носом мне в ладонь: всё в порядке, ты дома, я здесь.

Я закрываю дверь на оба замка и цепочку. Проверяю окна. Проверяю шкаф в прихожей: тревожный рюкзак стоит на месте, за зимней курткой.

Я долго стою и смотрю на него.

Потом закрываю шкаф.

Я не побегу. Не сегодня. Потому что впервые за два года я точно знаю, где находится человек из той ночи. Он в палате 312, за дверью, которая запирается снаружи. И я хочу знать, зачем он пришёл, прежде чем решать, куда бежать.

А ещё потому, что где-то глубоко внутри, там, куда даже Гостя не заглядывает, сидит маленькая, очень глупая мысль.

Два года назад у него был пистолет у моей спины. И он сказал «беги».

Люди, которые приходят убивать, так не делают.

Я ложусь в кровать и включаю ночник. Грей укладывается на полу, как всегда, мордой к двери. Я смотрю в потолок и слушаю дождь.

Кто ты такой, Кейн Моррис?

И почему мне кажется, что ответ мне не понравится?

Глава 4. Нора

Утром Гостя не приходит.

Я просыпаюсь в 4:52, как всегда, лежу и жду её, как ждут автобус, который ходит строго по расписанию. Сердце, ком в горле, мокрые ладони. Ничего. Тишина. Только дождь по подоконнику и тяжёлое сонное дыхание Грея на полу.

Это настораживает больше, чем если бы она пришла. Знаете это чувство, когда долго болит зуб, а потом вдруг перестаёт? Первые пять минут счастье. А на шестой начинаешь думать: а почему, собственно, перестал?

* * *

В больнице я весь день обхожу палату 312 стороной, как обходят лужу, в которую однажды уже наступили. Лекарства туда носит Маркус, наш старший санитар. Я меряю давление, раздаю таблетки, пою с миссис Олсен её псалмы, слушаю, как мистер Чен докладывает, что плиток в коридоре по-прежнему четыреста двенадцать. Обычный день. Почти.

После обеда Маркус находит меня у процедурного кабинета. У него странное лицо: он пытается выглядеть беззаботным, а получается как у ребёнка, который разбил вазу и спрятал осколки под ковёр.

— Нора. Тут такое дело. — Он чешет бороду. — Триста двенадцатый заговорил.

У меня внутри всё сжимается, но я только поднимаю брови.

— Надо же. И что сказал?

— Попросил тебе передать. Одну фразу. — Маркус мнётся. — Я сначала не хотел, мало ли что у человека в голове. Но он так смотрел... Короче. Он сказал: «Передай ей: пусть сменит замки».

Коридор вокруг меня на секунду становится очень тихим.

— И всё?

— И всё. Потом отвернулся к окну и больше ни слова. — Маркус смотрит на меня внимательно, по-отечески. — Нора, он тебе угрожает? Если что, скажи, я поговорю с доктором Нолан, его переведут на другой этаж.

— Нет, — говорю я слишком быстро. Потом спокойнее: — Нет, что ты. Это просто бред. Он меня с кем-то путает, я же говорила.

Маркус кивает, но не верит. Я вижу, что не верит. Хорошие люди плохо умеют притворяться, что верят.

Весь остаток смены я думаю об одном.

Пусть сменит замки.

Это угроза? Как в кино: «я знаю, где ты живёшь». Или предупреждение? Как если бы кто-то крикнул тебе с другой стороны улицы: «Осторожно, у тебя открыта сумка».

Человек, который сидит под замком, советует мне сменить мои замки. Если бы я прочитала это в книге, я бы посмеялась.

Я не смеюсь.

* * *

Домой я иду в сумерках. Дождь стих, и город пахнет мокрым асфальтом и жареными каштанами из тележки на углу. На перекрёстке Бельмонт и Олив я не останавливаюсь и не смотрю на бордюр. Хватит с меня вчерашнего.

Поднимаюсь на второй этаж. Достаю ключи.

Оба замка заперты. Цепочку я, конечно, снаружи не накидываю. Всё как утром.

Я открываю дверь.

Грей не встречает меня в прихожей.

Полтора года, каждый вечер, он сидит у двери. Я слышу, как стучит по полу его хвост, ещё пока вожусь с ключами. Это наш ритуал, наше «привет, ты дома». А сегодня в прихожей пусто.

— Грей?

Тишина.

Я включаю свет. Бросаю сумку на пол. Прохожу в комнату, и сердце стучит так громко, что я почти не слышу собственных шагов.

Он лежит на своей подстилке у дивана. Моя немецкая овчарка, сорок два килограмма силы. Лежит на боку, как тряпичный, и дышит. Медленно, глубоко, тяжело.

Я падаю на колени рядом.

— Эй. Эй, мальчик. Посмотри на меня.

Он открывает глаза. Узнаёт меня: хвост дёргается раз, другой, вяло, как будто через силу. Пытается поднять голову и роняет её обратно.

Я медсестра. Когда страшно, у меня включается работа, как автопилот у самолёта. Я поднимаю ему веко: зрачки расширены. Считаю пульс на бедре: медленный, но ровный. Слизистые розовые, дыхание спокойное. Не судороги, не отравление крысиным ядом, не удар. Он просто спит. Слишком крепко, слишком глубоко, как спят люди после наркоза.

Как спят после снотворного.

Я сижу на полу, глажу его по голове и чувствую, как по позвоночнику медленно ползёт холод.

Грей никогда не ест из чужих рук. Никогда. Его так учили, ещё до меня. Он не возьмёт кусок колбасы даже у Маркуса, который однажды заходил ко мне занести забытые ключи. Он возьмёт еду только от меня.

Или от того, кто учил его до меня.

Но об этом я пока не думаю. Об этом я подумаю потом.

* * *

Я звоню в круглосуточную ветеринарку. Дежурный врач выслушивает меня, задаёт вопросы и говорит то, что я и так знаю: раз дыхание и пульс в норме, скорее всего, он что-то съел на прогулке, пусть проспится, а утром привозите на осмотр.

На прогулке. Сегодня утром его выгуливала я. Двадцать минут, на коротком поводке, вокруг квартала. Он ничего не подбирал. Я бы заметила.

Я вешаю трубку и начинаю медленно обходить квартиру.

Знаете, как это бывает, когда кажется, что что-то не так, но непонятно что? Как на картинке «найди десять отличий»: смотришь, смотришь, а глаз цепляется, но никак не может схватить.

Кружка на кухне. Я пью утром кофе из синей кружки с отбитой ручкой. Всегда ставлю её в раковину ручкой вправо. Всегда. Это одна из тех дурацких мелочей, которые держат меня в равновесии, как перила на лестнице.

Сейчас кружка стоит ручкой влево.

Я смотрю на неё долго. Может быть, я сама так поставила? Торопилась, не выспалась, думала о палате 312. Может быть. Люди ставят кружки как попало, это нормально.

Только я не ставлю кружки как попало.

Ящик комода в спальне закрыт неплотно. Щель в палец. Я всегда задвигаю его до конца, потому что он скрипит, и этот скрип сводит меня с ума.

Книга на тумбочке лежит обложкой вверх. Я оставляла её раскрытой.

Каждая мелочь по отдельности — ничто. Я бы посмеялась над любой пациенткой, которая пришла бы ко мне с таким списком: «Доктор, у меня кружка повернута не в ту сторону». Я знаю, как это называется. Я видела это десятки раз. Тревожная пациентка ищет подтвержде-

ния своему страху и находит его везде. Мозг — очень услужливая штука: попроси его найти опасность, и он найдёт, даже в кружке.

А может быть, я просто схожу с ума. Работаю в психиатрической больнице, живу с паническим расстройством, и вот оно, пожалуйста: очередь дошла и до меня.

Я иду в прихожую и открываю шкаф.

Тревожный рюкзак стоит за зимней курткой. На месте. Я расстёгиваю его: паспорт, деньги, корм, поводок. Всё здесь, всё пересчитано до доллара.

Я уже почти выдыхаю, когда замечаю молнию.

Я всегда застёгиваю рюкзак до упора, до самого конца, и заправляю язычок молнии под клапан. Всегда. Чтобы ничего не выпало, если придётся бежать.

Язычок висит снаружи.

Кто-то открывал мой рюкзак. Кто-то искал в нём что-то. И это что-то было не деньги и не паспорт, потому что деньги и паспорт на месте.

Они искали то, что я унесла той ночью.

* * *

Я не держу это дома. Я не такая дура. Но я всё равно бросаюсь проверять, сама не знаю зачем. Руки делают это раньше, чем голова успевает возразить.

Старая батарея под окном в гостиной, чугунная, под деревянным декоративным коробом. Если снять короб, между батареями и стеной есть узкая щель. Там лежит конверт с фотографией. Одной-единственной. Всё остальное далеко отсюда, но эту я держу рядом, чтобы помнить, зачем всё это было.

Конверт на месте. Пыль на коробе не тронута. Сюда они не добрались.

Я сажусь на пол рядом с Греем, прижимаюсь спиной к дивану и обхватываю колени руками.

Вот теперь Гостья приходит. Она не стучит и не выбивает дверь. Она просто садится рядом со мной на пол, как старая подруга, и кладёт холодную ладонь мне на грудь.

Вдох на четыре. Задержка на четыре. Выдох на шесть.

«Передай ей: пусть сменит замки».

Он знал. Он сидел в палате 312, за запертой дверью, и знал, что сегодня кто-то придёт в мой дом. Значит, либо он и есть тот, кто послал сюда человека. Либо он знает того, кто пришёл.

Я не знаю, какой вариант хуже. Кажется, я говорю это уже второй день подряд.

* * *

Ближе к полуночи я иду в спальню. Грей так и спит на подстилке в гостиной, и я не решаюсь его переносить. Я проверяю замки: оба, и цепочку. Проверяю окна. Закрываю дверь спальни и придвигаю к ней комод, тот самый, со скрипучим ящиком. Он скрипит на весь дом, пока я егодвигаю, и впервые за два года этот скрип меня радует: по крайней мере, я услышу.

Я ложусь в кровать и протягиваю руку к ночнику.

Щелчок.

Ничего.

Я щёлкаю ещё раз. И ещё. Темнота.

Я встаю, включаю верхний свет и снимаю с ночника абажур.

Лампочка на месте. Целая, не перегоревшая. Просто кто-то аккуратно выкрутил её на пол-оборота. Ровно настолько, чтобы она не горела.

Я стою посреди спальни, с абажуром в руках, под беспощадным белым светом люстры, и чувствую, как немеют губы.

Про ночник не знает никто. Ни Маркус, ни доктор Нолан, ни один человек в этом городе. Я никому никогда не говорила, что боюсь темноты. Это слишком стыдно: взрослая женщина, медсестра психиатрической больницы, которая не может уснуть без света, как пятилетний ребёнок.

Кто-то знал.

Кто-то стоял здесь, в моей спальне, у моей кровати, и выкрутил лампочку. Не чтобы украсть. Не чтобы навредить. А чтобы я поняла.

Мы знаем, чего ты боишься.

Я закручиваю лампочку обратно. Включаю ночник. Выключаю люстру. Ложусь, накрываюсь одеялом до подбородка и смотрю на мягкий жёлтый круг света на потолке, пока за окном не начинает сереть.

Утром я вызываю мастера и меняю замки.

Глава 5. Нора

Выходные я провожу как человек, которому объявили осаду.

В субботу утром мастер меняет оба замка. Он молодой, в наушниках, жуёт жвачку и всё время рассказывает про свою девушку, которая хочет завести кота, а он хочет собаку. Я киваю, говорю «ага» и «как интересно», а сама смотрю, как он возится с дверью, и думаю: сколько времени понадобилось бы тому, кто был здесь в пятницу, чтобы открыть уже эти, новые замки? Час? Минута?

Потом я везу Грея к ветеринару. Моя овчарка уже почти пришла в себя: лапы ещё заплетаются, но хвост работает исправно, а на медсестру в регистратуре он смотрит с прежним достоинством, как пожилой лорд на нерасторопного дворецкого. Врач осматривает его, берёт кровь и говорит, что пёс, видимо, съел что-то с успокоительным. Может быть, чьи-то таблетки, выброшенные в мусор. Так бывает, говорит он, собаки жуют всякую гадость.

Я не спорю. Я плачу по счёту и увожу Грея домой.

В воскресенье я не выхожу из квартиры совсем. Смотрю сериал, не понимая ни одного слова. Дважды проверяю конверт за коробом батареи. Пять раз проверяю замки. Спасибо, Гостя, что не приходишь, у меня и без тебя всё отлично.

Ночник горит обе ночи. Лампочку я закрутила так туго, что теперь, наверное, придётся менять её вместе с ночником.

* * *

В понедельник в Сент-Джуд пахнет свежим кофе. Настоящим, а не той горькой жижей из автомата в холле, которую мы пьём годами, как пьют лекарство.

— Новый заведующий принёс, — шепчет мне Лиззи в раздевалке, та самая Лиззи, у которой не бывает мурашек. Глаза у неё блестят. — Две огромные коробки из кофейни на Пайк-стрит. На всё отделение. Нора, он всех запомнил по именам. Всех! Меня, Маркуса, даже новенькую из хозчасти, которую никто не помнит.

— Может, у него шпаргалка в кармане, — говорю я.

— Вот увидишь, — загадочно отвечает Лиззи.

Утренняя планёрка проходит в ординаторской. Нас человек пятнадцать: врачи, медсёстры, санитары, все с бумажными стаканчиками. Доктор Нолан, наш главный психиатр, строгая, в очках на цепочке, стоит у окна.

— Коллеги, — говорит она. — Позвольте представить: доктор Джулиан Хейл. С сегодняшнего дня он заведует нашим отделением.

И он входит.

Не знаю, чего я ждала. Наверное, после слов Лиззи чего-то вроде врача из сериала: идеальная улыбка, зубы, как реклама пасты, замедленная съёмка. А входит обыкновенный человек. Высокий, лет сорока, в сером свитере с закатанными рукавами. Тёмные волосы с проседью на висках, небритость, какая бывает у людей, которые встали в пять утра и не успели. Очки в тонкой оправе. Лицо не красивое, а скорее хорошее. Уставшее и тёплое.

Он не проходит в центр комнаты, а садится на край стола, как будто пришёл не командовать, а поболтать.

— Привет всем, — говорит он. — Я Джулиан. Можно просто Джулиан, если доктор Нолан не будет возражать.

— Буду, — сухо говорит доктор Нолан.

Все смеются. И он смеётся вместе со всеми, легко, без обиды.

— Тогда доктор Хейл. Но только при ней. — Он подмигивает залу, и все смеются ещё раз. Ну вот, думаю я. Ещё один обаятельный.

Я не люблю обаятельных. Обаяние — это инструмент, как скальпель или шприц. Очень полезный инструмент, если знаешь, как с ним обращаться. И очень опасный, если не знаешь, кто его держит.

Потом он говорит о работе, и я, к собственному удивлению, начинаю слушать. Он говорит не как начальник, а как человек, который правда здесь работает. О том, что пациентам нужно больше времени на улице, даже в дождь. О том, что медсёстры отделения выгорают, и это не слабость, а нагрузка, которую пора пересчитать. О том, что он хочет знать мнение каждого, потому что «лучше всех пациента знает не тот, кто его лечит, а тот, кто его кормит, моет и слушает ночью».

Лиззи смотрит на меня через стол с видом «я же говорила».

В конце он проходит по списку пациентов, коротко, по делу. Доходит до конца.

— И триста двенадцатый, — говорит он. — Кейн Моррис, принудительное лечение по решению суда. Доктор Нолан вела экспертизу, но теперь, если вы не возражаете, Патриция, я возьму его сам. Случай сложный, мне интересно.

Доктор Нолан кивает.

Я опускаю глаза в свой стаканчик и слежу, чтобы кофе в нём не дрожал.

* * *

Всё случается после обеда.

Я иду по коридору с подносом лекарств. Мистер Шоу из 310-й, тихий старик, который обычно целыми днями смотрит в стену, вдруг выскакивает из палаты у меня за спиной и кричит. Просто кричит, без слов, высоким, режущим звуком.

Такое бывает. Я видела это сто раз. Я знаю, что делать.

Но сегодня за моей спиной кто-то внезапно кричит, и мир рассыпается.

Поднос звякает. Стены коридора плывут. Гостья врывается так, будто ждала за углом все эти три спокойных дня и копила силы. Сердце бьётся в горле, воздух становится густым, как вата, и его невозможно втянуть. Я прислоняюсь к стене. Я знаю, как это выглядит со стороны: бледная медсестра с подносом, которая медленно сползает вниз. Я знаю и ничего не могу с этим сделать.

Вдох на четыре. Не выходит. Вдох на...

— Нора.

Голос спокойный, негромкий. Кто-то забирает у меня поднос. Кто-то стоит передо мной: серый свитер, закатанные рукава.

— Нора, посмотрите на меня. Не нужно дышать правильно. Не нужно ничего делать правильно. Просто скажите мне пять вещей, которые вы видите.

Я смотрю на него. Он сидит на корточках, чтобы быть ниже меня. Глаза за очками карие, внимательные.

— Пять вещей, — повторяет он мягко. — Любых.

— Ваши... очки, — выдавливаю я.

— Хорошо. Ещё.

— Огнетушитель. Дверь. Пятно на полу. Ваш... свитер.

— Отлично. Теперь четыре вещи, которые вы можете потрогать.

Стена под ладонью, холодная. Поднос, который он вернул мне в руки. Собственные колени. Ткань формы. Три звука: мистер Шоу, которого уже уводит в палату Маркус, гудит лампа, где-то капает кран.

Когда мы доходим до одного запаха (антисептик, конечно, в этом здании всегда антисептик), Гостья уже стоит в дверях, недовольная, с пальто в руках, собираясь уходить.

Я делаю вдох. Он проходит до самого дна лёгких.

— Вот так, — говорит доктор Хейл и поднимается. — С возвращением.

Мне стыдно так, что горят уши. Медсестра психиатрического отделения, у которой паническая атака на рабочем месте, на глазах у нового заведующего, в первый же его день. Великолепно, Нора. Прекрасное первое впечатление.

— Простите, — говорю я. — Это больше не повторится.

— Почему? — Он удивлённо поднимает брови.

— Что «почему»?

— Почему не повторится? Вы что, умеете это выключать? Научите, я опубликую статью и стану знаменитым.

Я смотрю на него и неожиданно для себя смеюсь. Коротко, нервно, но по-настоящему.

— Слушайте, — говорит он уже серьёзно. — Здесь нечего прощать. Это не проступок. Вы не уронили никого с лестницы, вы просто испугались. Люди пугаются. Даже люди в белых халатах, особенно они.

Он молчит секунду, потом добавляет:

— Я не могу быть вашим врачом, я ваш начальник, это было бы неправильно. Но если захотите просто поговорить, без записей, без карточки, я пью кофе на парковке в семь, после смены. Там никто не подслушает, кроме чаек.

Кроме чаек.

Я вздрагиваю, совсем чуть-чуть. Он не замечает. Или делает вид, что не замечает.

* * *

Я, конечно, не иду.

То есть я честно собираюсь не идти. Я переодеваюсь, беру сумку и выхожу через служебный выход на парковку, потому что это самый короткий путь домой. Просто самый короткий путь, ничего больше.

Он стоит у старой зелёной «Вольво» с двумя бумажными стаканчиками в руках. Протягивает один мне, как будто мы договаривались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.